

Андрей Львович Ливадный

Жизненное пространство

Аннотация

Всегда находятся подонки, готовые продать Родину за тридцать сребреников. Но на этот раз неожиданное вторжение из глубин Вселенной поставило под вопрос само существование человечества. Кучка голубокожих маньяков, обезумевших от украденного ими бессмертия, уже обрекла на рабство и вырождение покоренные древние расы. Опаленное пламенем атомной бойни
ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО,
столь необходимое для выживания любого вида, может легко стать безжизненным. Но в любые времена найдутся люди, способные противостоять всеобщей вражде.

Часть 1. Связь времен.

Глава 1.

Знание истории бесценно. Человек, игнорирующий историю, не утруждающий себя изучением прошлого, никогда не сделает шага вперед, в будущее, его удел — топтаться на месте, ибо история — это прежде всего сумма накопленных знаний, опыта, бесценный кладезь информации о мире, опираясь на который можно определить, что огонь горяч, не пытаясь сунуть в него собственную руку...

Логрис...

Он мертв и логичен.

Он смотрит на нас миллиардами своих сенсоров, а мы уже не

существуем, ибо перешагнули ту грань, которая отделяет реальное от вымышленного.

Мир, созданный силой мысли. Что может быть прекраснее, загадочнее, величественнее и непостижимее его?

Иногда мне кажется, что он действительно прекрасен, как сладчайшая из грез, а иногда он становится отвратительным, как самый изуверский кошмар, но в том и заключается величайшее достоинство этого места, что ни один порыв сознания не может своим дуновением отсюда поколебать даже самый крохотный камушек настоящего мира. Внешний мир закрыт для нас, ибо он хрупок, мы же сильны, и существует лишь малая доля существ, сумевших осознать его хрупкость и свою силу. Остальные все еще ищут себя, совершая разные поступки, но, хвала

Логрису, уже не там, а здесь.

Наше жизненное пространство раскинулось в новом измерении, будто старая добрая Вселенная перестала существовать... А может быть, так и есть? Не знаю. Не уверен. Сейчас, мысленно записывая эти строки, я, признаться, уже не совсем помню, что такое реальный мир. Сколько прошло лет... или, быть может, наносекунд?... с тех пор как я в последний раз дышал, любил, осязал ТАМ...

Не могу сказать. Могу лишь заглянуть в базы данных и посмотреть, когда я отдал себя Логрису, но делать это не хочется.

Удивительно, как поздно начинаешь постигать многие истины. Например, ты всегда знаешь, когда с тобой что-то случается в первый раз, но разве можно предугадать, когда то или иное действие будет совершено в

последний? Наверное, в этой непредсказуемости, в полном или частичном неведении своего будущего и кроется смысл жизни.

Только попав сюда, я с ясностью понял, что смысл жизни — в ее окончательности. Постоянно тяготеющий над нами призрак физической смерти заставляет жить, он дает стимул созидать и разрушать, стремиться к чему-либо, успеть сделать как можно больше до того момента, как физическая смерть заберет тебя.

Открыв принцип реинкарнации, мы разрушили этот естественный закон, а вместе с ним и психическую устойчивость нашего общества. Первая волна реинкарнаций не принесла ничего, кроме радости, — ведь дети, собиравшиеся со дня на день навечно расстаться с родителями, внезапно вновь обрели своих близких. Да, они

вернулись из чрева Логриса триумфаторами, победителями над смертью, и... что получилось из этого?

Сначала была радость, ощущение победы над вечностью, потом пришло разочарование и чудовищный, массовый срыв.

Психология живого существа, как известно, ориентирована на выживание вида в целом — такой постулат заложен в наше подсознание эволюцией, но эти же законы развития постулируют и наступающую в конце концов неизбежную смерть отдельного индивида. Это понятно. Но ведь именно данный столп подсознания, как выяснилось, и был подрублен открытием вечной жизни.

Появилось первое поколение «молодых старцев» с юным телом и ветхим разумом. После первого мига упоения наступило бессилие и родился

вопрос: что дальше?

Отнять сделанное тобой в течение прошлой жизни у своих потомков и снова пользоваться этим или начать все с нуля, будто ты, и вправду, молод? Но где взять те надежды и иллюзии, которые движут молодыми в поиске самих себя, где взять оптимизм, жизненную силу, когда в тебе — жизненный опыт, знание, привычка к трезвому расчету, и на общество ты смотришь со здоровым цинизмом мудрого человека?

Первая реинкарнация породила, как оказалось, кроме первого всплеска эйфории, еще и множество злых, надменных и жестоких существ. Они были юными, впереди у них лежала новая вечность, но они уже знали цену жизни, обществу, отдельным поступкам.

Вторая и третья реинкарнации

взорвали наш мир и привели к созданию Логриса сегодняшнего, — не извращенной искусственной матки, постоянно выплевывающей в жизнь обновленных старцев, а мира внутри мира, — оборотной стороны реальности, где обитают бессмертные души, у которых отняли способность вставать поперек дороги молодым растущим поколениям и перекраивать реальный мир в угоду своим амбициям.

Я не жалею, что ушел жить сюда. Я не жалею о том, что вместе с другими создавал Логрис, ибо вокруг себя я вижу живых современников, которые просто сменили среду обитания на более приемлемую и безопасную, как для них, так и для реального мира. Здесь есть все, начиная от ощущения голода или сытости и заканчивая возможностью вести любые проекты,

создавать что-то новое, или бесконечно переделывать старое, реализовывать себя и оставаться при этом самим собой: добрым или злым, здоровым или ненормальным, — ведь Логрис бесконечен и способен вместить в себя любую причуду.

Когда я участвовал в создании Логриса, то многие говорили: ты называешь срок смерти, ставишь планку ограничений над головами миллиардов существ.

— Ничуть, — отвечал им я, первый из первого поколения реинкарнированных.

Да. Нужно стремиться к тому, чтобы жить долго. Настолько долго, покуда хватит желания жить. Потом, когда плоть одряхлеет, разум устанет и тебе станет трудно, день ото дня все труднее и труднее, не насилуй себя, не цепляйся за свой страх, — просто скажи себе: я

устал, и уйди, дай дорогу следующим, ибо вечность, заключенная в тесном узилище плоти, какой бы соблазнительной она ни казалась, — это ловушка для разума.

Приходи. Пространство Логриса примет тебя, и сотни новых реальностей откроются перед тобой, ты продолжишь начатый путь, но уже в иной ипостаси, в такой, которая в силу своей мудрости, усталости и рожденного опытом цинизма не сможет нарушить реального, не погубит тысячи, миллиарды существ собственной амбицией.

Приходи на носители Банка Вселенной, который переживет коллапс всего мироздания, и, быть может, мы снова захотим жить в реальном мире, родившись младенцами в новых горячих Галактиках после следующего Большого Взрыва.

Но не дай загнать себя в ловушку Вечности, оставаясь в тесной связи с миром физическим, — там, где царит теория окончательности, ты погибнешь, твоя душа измельчает, изотрется и умрет. Ты принесешь горе, и горек будешь сам.

Из «Вступления в Логрис». Три миллиона лет до нашей эры. Автор неизвестен.

* * *

Итак, это была их Сеть...

Аналог нашего современного единения компьютеров, таинственный Логрис, предвосхитивший современность, ни много ни мало, на три миллиона лет.

Таинственный Логрис... Именно таинственный, а никакой иной, потому что сведений о нем было удивительно

мало и расшифровка фрагмента записи с невзрачного кристаллического носителя — так называемого Логра — граничила с чудом... правда, в современном мире, как правило, чудес не бывает и все происходит в рамках тех или иных технологий...

Приблизительно с такими мыслями Илья Андреевич Горкалов — пятидесятипятилетний сухощавый, сидящий мужчина, положил на рабочий стол лист распечатки, которую только что внимательно изучал.

Обстановка рабочего кабинета, занимавшего одну из комнат обыкновенной городской квартиры, на первый взгляд, казалась до тошноты стандартной и мало что могла рассказать о хозяине, но при более внимательном рассмотрении, среди строгой офисной мебели, выдержанной

В темных тонах, нет-нет да и проскальзывали некоторые мелочи, детали, способные не только кое-что сообщить о характере Горкалова, но даже немного приоткрыть завесу его прошлого.

Например, подборка книг, чьи пластиковые корешки глянцеви́то поблескивали в тусклом сиянии нескольких работающих мониторов. Они словно бы делились на две тематические половины. Часть изданий относилась к чисто военному профилю и была представлена узкоспециализированными фолиантами тактических звездных карт, которые вряд ли отыщешь в фондах общедоступных библиотек, затем шла изданная тридцать лет назад многотомная история Конфедерации Солнц, и наконец заканчивали данную подборку две более современные

электронные книги, исполненные в виде тонких компьютерных планшетов.

Вторая половина небольшой библиотеки разительно отличалась от первой и, судя по неровному расположению корешков, использовалась в последнее время чаще. Тут были собраны все известные труды по космической археологии, истории колоний и древнего, существовавшего еще до начала человеческой экспансии мира, погибшего под ударами предтеч, около трех миллионов лет назад, когда люди на далекой планете Земля еще не вполне оформились в вид *Homo Sapiens*...

Разделяла две этих тематических подборки десятисантиметровая модель боевого шагающего робота класса «Фалангер»...

...Внимательно взглянув на один из

трех установленных на поверхности рабочего стола мониторов, хозяин кабинета встал и подошел к упомянутой полке с книгами.

Все еще пребывая во власти прочитанного документа, который ему переслал отдел изучения мертвых компьютерных языков Института археологии космоса, Илья Андреевич, чья жизнь, как и подборка изданий в маленькой домашней библиотеке, была четко разделена на две половины, недовольно подумал, что раньше, во времена Конфедерации Солнц, работать было гораздо проще.

Двадцать лет назад, когда он, вынужденно поменяв профессию, еще только начинал свою карьеру космического историка, вся информация, по инерции стекавшаяся из различных, уже не подконтрольных к тому времени умирающей

Конфедерации секторов пространства, волей-неволей концентрировалась и оседала именно тут, на Элио, — планете, где базировалась штаб-квартира Совета Безопасности Миров.

Теперь, когда вслед за падением Конфедерации, и этот институт Галактического единения утратил свое былое значение, превратившись из реальной силы в пустой звук — претенциозную вывеску на фасаде почти обезлюдевшего здания, перед которым все еще трепетали на ветру флаги двухсот семнадцати миров, — все резко и неприятно изменилось в худшую сторону. Планеты рассыпались, как горошины из дырявого мешка, ничто более не объединяло их, но зато каждый мир, взятый в отдельности, мог кичиться своим суверенитетом: мол, смотрите на

нас, какие мы свободные и сильные...

Информацию в таких условиях приходилось собирать буквально по крупицам, пытаясь через межзвездную сеть Интерстар объять необъятное.

Однако Илья Андреевич был из породы людей, которых трудности и неурядицы не превращают в брюзгливых зануд. В его жизни хватало невзгод — он начинал пилотом боевой шагающей машины, командовал механизированным подразделением космодесанта, потом получил серьезное ранение, едва не сгорев в рубке «Хоплита». После года, проведенного в госпитале, вернулся в строй, но уже не в космический десант, а в отдел внешней разведки Конфедерации Солнц. Двадцать лет назад, когда после Эригонского кризиса все полетело к черту, он нашел в себе достаточно мужества и здравого смысла, чтобы

понять — золотой век Конфедерации уходит безвозвратно...

Сменить мундир офицера, со знаками различия полковника отдела внешней разведки, на скромный гражданский костюм сотрудника Института истории и археологии космоса было нелегко, но, сделав это, Горкалов нашел новое применение своим неистраченным силам и накопленному опыту, не забывая о золотом веке Конфедерации Солнц, но и не стесняясь над ним в полутемном баре за кружкой дурного пива, как некоторые его бывшие сослуживцы — отличные в прошлом офицеры, которые по тем или иным причинам не выдержали моральной ломки в момент краха всех идеалов, впитанных с самого детства.

Нет. Он продолжал жить и заниматься делом, которое, по большому счету, оказалось созвучно

роду его прошлых занятий, и два научных труда по общей истории «дочеловеческого» мира являлись прямым продолжением его служения тому смыслу, который Илья Андреевич всегда вкладывал в термин «Человечество».

Маленький серый кристалл, лежавший перед ним на столе, также попал в его руки не случайно, как не случайным излишеством были и три монитора, базировавшиеся на обширной столешнице старомодного рабочего терминала.

Один из трех работавших в кабинете Ильи Андреевича компьютеров, непосредственно соединенный с сетью Интерстар, постоянно отслеживал все события, так или иначе связанные с древними поселениями, артефактами, собирая любую доступную информацию о них.

Второй системный блок анализировал поток поступающих данных, пропуская разрозненные факты сквозь частое сито программ по каскадной логической обработке, так что в конечном итоге третья машина, с системой которой непосредственно работал сам Горкалов, получала уже проанализированные, подчиненные определенной логике данные, достоверность которых можно было расценивать достаточно высоко.

Такая кропотливая и нудная на первый взгляд работа давала порой самые неожиданные плоды, как, например, в случае с этим древним устройством давно исчезнувшей из границ реального космоса расы.

Полгода назад Горкалов получил копию отчета, в котором упоминался некий рудодобывающий комплекс «Спейсстоун», обнаруживший в Рукаве

Пустоты разрушенное космическое поселение логриан — третьей расы древнего мира, о которой до последнего времени существовали лишь смутные упоминания в мифологии инсектов.

Тогда информация показалась спорной, сомнительной — ведь сам рудодобывающий комплекс со всем экипажем пропал без следа, а отчет основывался на нескольких обрывочных сообщениях, принятых по каналу Гиперсферной Частоты, но все же очередной факт упоминания о третьей расе доисторического космоса стоил того, чтобы начать поиск, и в результате Горкалов установил связь с неким антикваром, который предложил ему для продажи артефакт, принадлежавший, по его мнению, именно логрианам.

Покупка состоялась, и вот теперь Илья Андреевич оказался перед

загадкой, от решения которой зависела не только его текущая карьера в Институте археологии космоса. За то время, что он посвятил исследованиям загадочного кристалла, его компьютерные «старатели» выловили в Сети еще несколько сообщений. Каждое по отдельности, может быть, и не стоило ничего, кроме ироничной, недоверчивой улыбки, но сведенные вместе и соединенные с теми знаниями, которыми обладал полковник Горкалов, заставили его сначала задуматься, а затем встревожиться.

...Его мысли прервала трель коммуникационного устройства.

Илья Андреевич подумал, что это, должно быть, Александра — старушка-соседка, которая, ввиду его холостяцкого положения, за небольшую плату готовила и убиралась в слишком

просторной для одного человека квартире, — звонит по внутреннему, чтобы позвать его к ужину, но, взглянув на терминал, понял, что вызов внешний.

— Да? — ответил он, взяв из специального гнезда трубку мобильного коммуникатора.

— Мне нужен Горкалов, — услышал он.

Голос в трубке показался ему смутно знакомым.

— Да, это я. — Илья Андреевич не любил собеседников, которые не удосуживают себя простым человеческим приветствием, поэтому и его ответ прозвучал несколько сухо и раздраженно.

— Илья Андреевич, не узнал?

Горкалов на секунду задумался, а затем не воспоминание, а обыкновенный логический вывод

заставил его произнести следующую фразу:

— Шеффорд? Джон, это ты?

— Естественно. Ты же звонил моему секретарю, ведь так?

— Да, две недели назад.

— Извини, раньше откликнуться не мог, — ответил его бывший подчиненный, занимавший теперь солидный пост в Министерстве обороны планеты Элио. — Рад вновь слышать тебя Илья, но хотелось бы узнать — ты искал меня по делу?

— Да, — сухо подтвердил Горкалов. — Без повода не стал бы беспокоить. Но по коммуникатору у нас разговор не выйдет.

— Хочешь встретиться?

— Настаиваю.

— Хорошо... — немного помедлив, согласился Шеффорд. — Только предупреждаю,

днем я занят под самую завязку.

— Меня, в принципе, устроит любое время и место.

В трубке на несколько мгновений повисла тишина.

— Давай так, — наконец, что-то прикинув в уме, ответил Шеффорд. — Думаю, что через два часа я буду свободен. У меня по некоторым причинам сорвался вечерний прием в посольстве Кьюига, а ужинать все одно придется. Как ты смотришь на встречу в «Созвездии»?

— Положительно. — Горкалов взглянул на часы. — Ровно в семь?

— Договорились. Прислать за тобой машину? — Скорее отдавая дань вежливости и одновременно подчеркивая собственное положение, нежели из проявления искренних чувств, осведомился Шеффорд.

— Нет, спасибо, я на своей.

— Ну как хочешь. Смотри, не опаздывай, сидеть и ждать не смогу, — предупредил Джон. — До скорого...

В коммуникаторе тонко запищал сигнал отбоя.

Илья Андреевич пожал плечами. Разговор получился каким-то скомканным, но главное — он достиг цели. А что до натянутости, — так здесь следует сделать скидку на нынешнее общественное положение Джона Шефорда: — некоторые из младших офицеров, находившихся двадцать лет назад в подчинении Горкалова, взлетели за эти годы так высоко, что Джон, например, мог и не откликнуться на его звонок вовсе... Те, у кого хватило ума вовремя переметнуться из генштаба умирающей Конфедерации в аналогичные структуры планетарной самообороны,

уже дослужились до генералов. Ну, да это их дело, в конце концов...

...Горкалов так и не открыл застекленную полку с книгами, лишь его взгляд скользнул по застывшей меж глянцевитых корешков модели боевого робота, и на душе вдруг стало как-то неуютно, словно предчувствие беды, все это время тащившееся где-то на периферии сознания, вдруг оформилось в окончательную уверенность.

«Поверит ли он, вот в чем вопрос...» — неожиданно подумал Илья Андреевич, мысленно настраиваясь на предстоящую встречу с Шефордом.

Гадать было бессмысленно. Оставалось набраться терпения и лучше подготовиться к этой встрече.